

¹⁰ Культура и общество Древней Руси (X–VII вв.): Зарубежная историография: Реферативный сб. – М., 1988. Ч. 2. – С. 79.

¹¹ Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. – М., 1928. – С. 28.

SUMMARY

Valeriy Durnovtsev

The religious motives in the historiosophical and historiographic experiences for the decided the problem «Russia and the West»

In article peripetias of historiosophical and historiographic destiny of one of cardinal problems of the Russian socio-historical and political consciousness – «Russia and the West» («Russia and Europe») are considered. The special attention is paid to studying of religious components in the numerous versions of its decision offered by the Russian thinkers. Chronological framework of article – from medieval representations of the Russian scribes to historical concepts in science of the Russian history of the 60-70th of the 19th century. Keywords: Russia, Europe, West, history of historical science, historiosophy, Christianity, Orthodoxy.

Кирилл СОЛОВЬЕВ

Проблема церковной унии в российской публицистике 1860-х годов

Кирило СОЛОВЙОВ

Проблема церковної унії у російській публіцистиці 1860-х років

Аналізуються погляди російських вчених та публіцистів на проблему церковної унії в 1860-х рр. Виділяються як негативні, так і позитивні оцінки, пов'язані з намаганнями зміцнити російський вплив у Західному краї. Ключові слова: унія, оцінки, обряд, боротьба, Західний край.

1860-е гг. вписали одну из самых ярких и вместе с тем драматичных страниц в судьбы региона, в современной историографии все чаще называемого «западными окраинами Российской империи»¹, – Царства Польского, Украины, Белоруссии и Литвы. Именно тогда вспыхнуло январское восстание в Польше, пробудилось украинское национальное движение, активизировались отдельные белорусские и литовские деятели. Все это с

неизбежностью заставляло российскую общественность обращать внимание на «западные окраины», а также на приграничные районы Австрийской империи со значительным польским и малорусским населением, прежде всего на Галицию.

Факт этого интереса, как, впрочем, и огромная роль польского и украинского вопроса в общественной жизни России, признается сейчас многими исследователями². Вместе с тем, малоизученным остается целый ряд частных вопросов, среди которых особое место занимает конфессиональная проблематика. Именно через западные окраины Российской империи, а также австрийскую Галицию проходила граница между католицизмом, неразрывно ассоциировавшимся с сепаратистскими устремлениями поляков, и православием, тесно связанным в общественном сознании с русским доминированием и имперским контролем над регионом. Любой этнический процесс, а также реакция на него со стороны российских властей имели здесь, таким образом, и вероисповедное измерение.

Более того, помимо православия и католичества на протяжении длительного времени там существовала еще одна конфессия – уния, или греко-католицизм. Она возникла в 1596 г. в результате подчинения Православной церкви Католической в пределах Речи Посполитой. Униаты признавали верховную власть папы, но при этом сохраняли восточную обрядность. После разделов Речи Посполитой начались переходы греко-католиков, оказавшихся под властью Российской империи, в православную веру, а в 1839 г. большинство униатских приходов были в административном порядке воссоединены с православием. К рассматриваемому периоду униатской в России была лишь Холмская епархия, хотя среди галицких и угорских (закарпатских) малорусов или, как они себя еще называли, русинов уния оставалась господствующим вероисповеданием. Это обстоятельство, а также сам характер унии как промежуточной, пограничной конфессии между двумя противоборствующими вероисповеданиями – православием и католицизмом, приковывали к ней внимание многих российских авторов.

Интерес к проблемам Униатской церкви первоначально возник в академической сфере, а затем распространился на более широкие круги общественности. В 1859–1861 гг. была опубликована магистерская диссертация историка, выходца из Западного края М. О. Кояловича «Литовская церковная уния»³, встреченная

благожелательным отзывом С. М. Соловьева⁴. Затем в газете «День» Коялович стал печатать «Лекции о западнорусских братствах», а в 1864 г. отдельным изданием появились его «Чтения по истории Западной России»⁵ (два десятилетия спустя они вышли вновь с некоторыми коррективами и дополнениями)⁶. Исследователь связывал унию с активизацией иезуитов, которые стремились укрепить Католическую церковь в условиях распространения на польско-литовских землях протестантизма и нашли поддержку в лице польского короля Стефана Батория и его преемника Сигизмунда III. Реакция русского населения Речи Посполитой на деятельность иезуитов оказалась неоднозначной. Некоторая его часть, как писал Коялович, была готова «ради житейских выгод на всякие сделки с латинством». К ней относилась в первую очередь высшая церковная иерархия, которая в Западной Руси «исторически подвергалась порче», будучи целиком зависима от «иноверного» правительства. Именно представители высшего клира стали главными сторонниками подчинения Ватикану и проводниками политики польских властей. Им противостояла «партия ревнителей православной веры, способная все принести в жертву дорогим убеждениям»⁷. В большинстве своем это были светские люди, как аристократы, так и представители средних и низших слоев, для защиты интересов родной Церкви объединившиеся в братства. Именно эти братства и стали основными очагами сопротивления унии, которое нередко принимало весьма ожесточенный характер. Например, для перевода в унию Виленского Троицкого монастыря, бывшего центром Виленского братства, власти вынуждены были ввести в город войска⁸.

В 1865 г. в журнале «Библиотека для чтения» под названием «Южная Русь в конце XVI века» вышли некоторые главы из диссертации Н. И. Костомарова, подготовленной еще в 1842 г., но сожженной по решению цензуры. Говоря о причинах унии, Костомаров также отдавал должное иезуитам и высшему русскому духовенству, но не менее серьезным фактором считал общие изменения на литовско-русских землях. С присоединением Литвы к Польше русское шляхетство стало тянуться к западной образованности и просвещенности, стыдиться дедовских обычаев и традиций. Следствием было благоговение перед всем польским вообще и все возрастающее доверие к католицизму и иезуитам в частности. Таким образом, уния с точки зрения Костомарова была

элементом в общей европеизации русского шляхетства, в конечном счете приведшей к сращиванию с польской шляхтой⁹.

Научные труды по истории унии наметили общее русло, в котором повели свою работу публицисты и представители прессы. Из их числа особенно выделяются М. Н. Катков и Н. Г. Чернышевский, представлявшие крайние направления в русской мысли тех лет. Отправным пунктом в рассуждениях Каткова была безоговорочная уверенность в том, что «римский епископ может питать дружественные чувства к нам только в том случае, если будет видеть нас на дороге к унии», и что вообще «каждое католическое притязание несет яд в своей короне»¹⁰. Соответственно, унию он рассматривал не иначе как коварное изобретение поляков «для угнетения русских людей»¹¹.

Совершенное иное видение проблем Униатской церкви можно встретить в статье Чернышевского «Национальная бестактность». Во-первых, он, очевидно, даже не знал о существовании унии в Галиции и называл ее жителей «православными». Главное же, публицист относился с недоверием к сведениям о притеснениях, которым подвергается «православие в Галиции», и считал, что если таковые и имеют место, то лишь как результат вмешательства духовенства в «мирские раздоры». От участия в мирских делах Чернышевский и рекомендовал воздерживаться «высокопреосвященному Григорию, архипастырю православных русинов»¹².

Гораздо более интересными и содержательными оказались корреспонденции, печатавшиеся в церковных изданиях. Их авторами были люди, как правило, хорошо знакомые с положением Униатской церкви, бывавшие в Галиции и Закарпатье и имевшие связи среди русинов. Так, один из корреспондентов на основании собственных наблюдений утверждал, что присоединение Православной церкви к Католической неизбежно ведет к значительной трансформации ее обрядности, к потере восточным обрядом первоначальной чистоты. В этом его убедил, прежде всего, внешний вид униатских священников, мало чем отличающийся от католического (одежда, бритое лицо, остриженные волосы)¹³. Католическим по существу было и богослужение, а также внутреннее убранство храмов. Автору приходилось видеть, как во время службы два молодых священника «сослужили» третьему, а в самой церкви отсутствовал иконостас, но при этом вся она была заставлена скамьями и столами для молитвенных книг. Наконец,

клирики читали «благовестие Христово так, будто они лишь вчера выучились славянской грамоте»¹⁴. В самом деле, еще совсем недавно большинство униатских священников изучало богословие в латинских семинариях, и даже в священных книгах они писали поверх кириллических латинские буквы, чтобы можно было прочесть текст. Только благодаря революции 1848 г. сеть русинских учебных заведений расширилась, и священники в большей или меньшей мере овладели славянским языком.

П. Лавровский также отмечал значительные искажения восточного обряда, но связывал это не с добровольным отказом русинов от родной веры, а с тяжелым положением, в котором пребывала Униатская церковь сначала в Польско-Литовском государстве, а затем и в империи Габсбургов. «В глазах правительства польского соединение восточной церкви с западной было не чем иным, как переходной ступенью к католичеству», – утверждает он¹⁵. Сближению Униатской церкви с Римско-католической должны были содействовать, во-первых, полонизация русинского шляхетства и торгово-ремесленных слоев, закрепощение крестьян, а во-вторых – подчинение высшего клира латинским иерархам и низшего – польским помещикам. Именно унизительная для клирика-русина материальная зависимость от польского пана, не отмененное и с включением Галиции в состав Австрии право презентации, т. е. назначения священника помещиком, стали главными средствами латинизации восточного обряда. «Встречая в месте священническом единственное для себя средство существования, пораженный с одной стороны нищенством, с другой – семейством, редкий кандидат на звание священника не подавлял в себе голоса совести и не расточал... обещаний учить и действовать так, как требовал... помещик», – писал Лавровский¹⁶. При этом русины вовсе не собирались мириться со сложившейся ситуацией и всегда были готовы очистить свой обряд от латинских наслоений, но все их усилия «разбивались в прах о препятствия», чинимые светскими и церковными властями Галиции. Благоприятные для борьбы за чистоту обряда условия сложились в крае лишь после революции 1848 г. Тогда, как уже отмечалось выше, была расширена сеть учебных заведений, что способствовало поднятию образовательного уровня духовенства. Кроме того, крестьяне были освобождены от крепостной зависимости, начался рост их материального благосостояния, и теперь они могли вносить свою

лепту в содержание прихода, чем подрывали безраздельную прежде власть помещика над священником. Воодушевленное всем этим, духовенство стало отказываться от органов, устраивать иконостасы, вносить необходимые изменения в свою одежду и внешний облик. Разворачивающееся в Галиции движение внушало Лавровскому тем больший оптимизм, что во главе его стояли священники, получившие «истинное и великое образование» и пользующиеся «всеобщим уважением» и «безграничным доверием» со стороны народа, – Я. Ф. Головацкий, И. Г. Наумович, А. С. Петрушевич и другие¹⁷.

Борьбе за чистоту обряда свои корреспонденции посвятил и священник православной церкви при российском посольстве в Вене М. Ф. Раевский. По его словам, это движение приняло столь широкий размах, что заставило вмешаться в происходящее Вену и Ватикан. Митрополит Григорий Яхимович предложил созвать собор для разрешения возникших вопросов, однако Святой престол пресек его инициативу и приказал явиться в Рим всем галицким иерархам (Яхимович не смог выполнить распоряжение папы, скоропостижно скончавшись в апреле 1863 г.). В ходе состоявшихся летом 1863 г. совещаний папа римский признал равенство латинского и униатского вероисповеданий, в том числе и в отношении обряда. Впрочем, благосклонность понтифика была чисто внешней, ибо вопрос о конкретных формах исправления обряда отложили на неопределенное время, а новым митрополитом назначили епископа Литвиновича, пользовавшегося «особенным расположением правительства, Рима и латинского клира»¹⁸. Послушный исполнитель папской воли, Литвинович начал сворачивать обрядовое движение, а над наиболее активными его участниками нависла угроза судебного преследования.

Раевский дает читателю понять, что борьба за восточный обряд была массовой, имела большой общественный резонанс и, очевидно, увенчалась бы успехом, если бы не противодействие Рима и Вены, а также предательская роль их «клеветы» Литвиновича. Именно такие ставленники враждебных Униатской церкви кругов гасят любые стремления в среде духовенства и мирян, и именно по их вине восточный обряд все больше напоминает латинский. Им Раевский противопоставляет покойного Яхимовича, который был «истинный русин душою, не полякоман.., крепко любил свой народ.., видел, что все его спасение заключается в русской восточной Церкви»¹⁹.

Значительное место проблема церковной унии занимала и в публицистике В. И. Кельсиева. В «Письмах из Австрии», появившихся на страницах газеты «Голос», он признал, что положение униатского духовенства в Галиции является «ложным», а сама Униатская церковь – «несчастной», ибо она «равно чужда и католикам и православным». Народ не имеет понятия о ее существовании и считает себя православным, иезуиты же всеми возможными способами вытесняют восточный обряд и заменяют его на западный. Впрочем, в этой же статье (а она была написана в Вене и основывалась на рассказах проживавших там русинов) он говорит, что относится к сообщаемым им сведениям как «мечтам» и «слухам»²⁰. В этой связи, необходимо было личное ознакомление с ситуацией на месте, что и заставило Кельсиева предпринять поездку по Галиции. Отчеты о ней он регулярно посылал в газету «Голос», а впоследствии составил из них сборник «Галичина и Молдавия».

«Ложным» и «несчастливым» предстает в них само материальное положение Униатской церкви и ее духовенства. Кельсиев неоднократно упоминал маленькие, бедные, нередко даже покосившиеся, «сплошь и рядом» деревянные униатские церкви, противопоставляя их роскошным костелам, а также плербани – дома священников, также «сплошь и рядом» деревянные, из которых относительно комфортными оказываются лишь построенные недавно²¹. Жалование обремененного семьей греко-католического священника составляло всего триста гульденов в год, в то время как годовой доход холостого ксендза насчитывал не менее четырехсот гульденов. В одном из текстов Кельсиев упоминает транспортное средство униатского батюшки – бричку, купленную «лет двадцать назад по случаю» или взятую в приданое за попадьей и назначенную «в приданое дочерям»²². Теперь становится понятной рассмотренная выше материальная зависимость священника от помещика, заставляющая его выполнять все требования патрона.

Впрочем, эти бедность и неполноправность имели и положительное свойство, способствуя расширению униатской паствы. Не *вопреки*, а *благодаря* бедности, многие священники переманивали польских крестьян-мазуров, католиков по вероисповеданию, в униатство. Это было связано с аристократизмом ксендзов, имевших богатую клиентуру и нередко гнушавшихся обслуживать

нищих мазуров. Униатские же попы не брезговали самым ничтожным гонораром, входили в самую бедную хату и совершали таинства над каждым, не различая, мазур это или русин. Постепенно мазуры становились постоянными прихожанами греко-католических храмов²³.

Склонность польских низов к легкому переходу в унию в сочетании с готовностью униатского клира отстаивать свой обряд, невзирая ни на какие лишения и дискриминацию, заставили Кельсиева обратить на греко-католицизм пристальное внимание, тем более что в среде духовенства тогда почти безраздельно господствовали москвофильские настроения. Середину 1860-х гг., время пребывания Кельсиева в Галиции, можно назвать временем триумфа «общерусской» идеи и почти полного краха украинофильства. Русины в большинстве своем рассматривали себя как часть огромного русского народа «от Карпат до Камчатки», нередко называли себя «русскими»²⁴. От многих священников он слышал слова надежды на присоединение Галичины к России и возвращение в православие²⁵.

Кельсиев пытался доказать, что униаты не только не представляют собой никакой опасности, но и могут принести неоценимую пользу, им вполне можно доверять. Их подчинение папе римскому было вынужденным, все их заветные мечты состоят в том, чтобы присоединиться к России и вновь стать православными, а Россия отказывается помочь им в строительстве храмов, наказывает православных священников за связи с греко-католиками, вообще всеми силами старается оградить общество от любой информации об унии. «С униатами, невинными орудиями Рима, только одна политика возможна – политика всезабвения и всепрощения. Поможем им в чем возможно; христианская любовь сильнее всяких лжеучений», – призывал Кельсиев²⁶.

Польза, которую, с его точки зрения, уния могла бы принести России, была связана с решением одной из самых сложных задач, стоявших тогда перед российскими властями – русификацией Западного края. Иными словами, речь шла о необходимости подрыва польского влияния в литовских, белорусских и значительной части украинских губерний и вообще очищении их от поляков. Меры, предложенные Кельсиевым, основываются на приведенной выше информации о переходах польских крестьян в унию и могут быть сведены к следующему: во-первых, все костелы

вне пределов Царства Польского должны перейти на восточный обряд и стать униатскими; во-вторых, следует сократить различия между униатским и православным обрядом до упоминания папы на эктениях; в-третьих, полностью уравнивать униатов в правах с православными; в-четвертых, давать детям имена «святых, чтимых одинаково православной и униатскою церковью»; в-пятых, набирать греко-католических священников «из галицких и угорских русских»²⁷. Униатские церкви следует строить и за рубежом, в Румынии и Турции, где проживает значительное количество русинов, которые, не имея другой возможности, вынуждены ходить в костел, «а в костеле они видятся только с поляками, слушают проповеди по-польски, исповедаются по-польски, с ксендзом говорят по-польски и превращаются в *prawdziwych polakow* (истинных поляков (пол.). – К. С.)»²⁸.

Кельсиев был не совсем одинок в подобных воззрениях. Например, М. Н. Катков предлагал искоренить польское влияние в Западном крае путем русификации костела, введения русского языка в католическое богослужение при сохранении латинской Литургии. Выдвигалась и более близкая предложениям Кельсиева идея «обратной унии», т. е. создания в Западном крае российской, независимой от папы Католической церкви²⁹. Более оригинальной идеей Кельсиева была, очевидно, реформа церковного образования по униатским образцам. «У униатов, – сообщал он, – ...семинарий нет, – дети духовенства воспитываются вместе с детьми мирян. От этого они вовсе не отрезаются от мира..., как у нас. По окончании гимназии желающие посвятить себя духовному званию поступают или на богословские факультеты, или в духовные академии, и только по окончании курса... получают право на рукоположение»³⁰. Кельсиев предлагал уничтожить семинарии, создать в университетах богословские факультеты, реорганизовать духовные академии на манер униатской *Barbareum* в Вене и требовать от священников основательного знания древних и всех славянских языков, а также одного из новейших европейских. Тогда представители Церкви приобретут светский лоск, им откроются балы и театры, и они смогут войти даже в самое взыскательное общество. Только такой пастырь будет иметь влияние на мирян, только тогда к его слову станут прислушиваться, а значит, ему удастся переломить стремительно распространяющееся в российском обществе безразличие к религии.

Как мы видим, проблема Униатской церкви возбуждала в российском обществе огромный интерес. О ней писали и профессиональные историки, и представители духовенства, и публицисты самых разных оттенков. Столь же широк был и диапазон оценок – от недоверия, восприятия ее как части враждебного России польского мира, до глубокого сочувствия борьбе униатов за восточный обряд и даже предложений использовать их как средство русификации Западного края. Очевидно, все это составило общий фон, на котором разворачивалась дальнейшая судьба Холмской епархии – привлечение в нее русофильски настроенных священников из Галиции, а затем и окончательное присоединение ее к православию в 1875 г.

¹ См.: Западные окраины Российской империи. – М., 2007. – С. 13–15.

² Пашаева Н. М. История Галичины на страницах русской прессы второй пол. XIX – нач. XX вв. // История, историография, библиотечное дело. Гос. публ. ист. библи. Москва, 23–24 марта 1993 г. – М., 1994. – С. 91–116; Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики. Поляки в России, русские в Польше. (XIX – нач. XX вв.). – М., 1999; Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – СПб., 2000; Западные окраины.; Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М., 2008.

³ Коялович М. О. Литовская церковная уния: В 2 т. – СПб., 1859. – Т. 1. – 1861. – Т. 2.

⁴ Соловьев С. М. Уния, козачество, раскол // Атеней. – 1859. – № 8. – С. 393–420.

⁵ Коялович М. О. Чтения по истории Западной России. – СПб., 1864.

⁶ Коялович М. О. Чтения по истории Западной России. – Изд., перераб. и доп. с изд. 1864 г. – СПб., 1884.

⁷ Там же. – С. 200–201.

⁸ Там же. – С. 218.

⁹ Костомаров Н. И. Южная Русь в конце XVI века // Библиотека для чтения. – 1865. – Т. 1. – № 1. – С. 17–27.

¹⁰ Катков М. Н. Избранные труды. – М., 2010. – С. 150.

¹¹ Там же. – С. 125.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. – М., 1950. – Т. 7. – С. 781–782.

¹³ В какой степени православно-восточное богослужение сохранило у галицийских и венгерских русинов свой первоначальный вид // Духовная беседа. – 1859. – Т. 6. – № 20. – С. 233–234.

¹⁴ Там же. – С. 238.

¹⁵ Лавровский П. Известие о состоянии униатской церкви у русских в Галиции // Духовный вестник. – 1862. – Т. 1. – № 1. С. – 90.

¹⁶ Там же. – С. 101.

¹⁷ Там же. – С. 107.

- ¹⁸ Раевский М. Из Вены // Духовная беседа. – 1864. – № 23. – С. 165.
- ¹⁹ Он же. Из Вены: новейшие сведения о церковном движении у галицких униатов // Духовная беседа. – 1864. – № 20. – С. 70–71.
- ²⁰ И.-Ж. [Кельсиев В. И.] Письма из Австрии // Голос. – 1866. – № 218. – 9 (21) августа.
- ²¹ Кельсиев В. И. Галичина и Молдавия. – СПб., 1868. – С. 139–140.
- ²² Там же. – С. 144.
- ²³ Там же. – С. 187–196.
- ²⁴ См.: Середа О. Місце Росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860-67 роках (за матеріалами преси) // Россия – Украина: история взаимоотношений. – М., 1997. – С. 157–170.
- ²⁵ Кельсиев В. И. Галичина и Молдавия... – С. 145.
- ²⁶ Там же. – С. 98.
- ²⁷ Кельсиев В. И. Исповедь // Литературное наследство. – М., 1941. – Т. 41–42. – С. 374–375.
- ²⁸ Кельсиев В. И. Галичина и Молдавия... – С. 344.
- ²⁹ См.: Западные окраины... – С. 236–243; Долбилов М. Д., Сталюнас Д. «Обратная уния» проект присоединения католиков к православной церкви в Российской империи (1865 – 1866) // Славяноведение. – 2005. – № 5. – С. 3–34.
- ³⁰ Кельсиев В. И. Исповедь... – С. 272–273.

SUMMARY

Kirill Solovyov

***Candidate of History, lecturer of the Institute for Studies in Russian History
Russian States University for Humanities***

The author analyses the views on the church union declared by Russian scientists and publicists. Both negative and positive estimations linked with the aspiration to strengthen the Russian impact in the Western region are pointed out.

Keywords: union, estimations, rite, struggle, Western region.

Ірина ОРЛЕВИЧ

Галицькі священики у науковому і громадському житті Галичини ХІХ ст. (на прикладі отця Василя Ільницького)

Досліджено життєвий і творчий шлях одного з відомих українських інтелектуалів ХІХ ст. Василя Ільницького – священика, історика, та громадського лідера. Показано формування його особистості на тлі суспільно-політичних процесів Східної Галичини.

Ключові слова: Василь Ільницький, священик, історик, народовці, русофіли.